

А. Э. Васильева

Рассказы В. С. Маканина «Пойте им тихо» и «Ключарев и Алимускин» и литературная традиция

Данная статья является частью исследования «Литературные традиции в прозе В. С. Маканина», посвященного традициям классической литературы в прозе писателя, и раскрывает изображение некоторых из них в рассказах «Ключарев и Алимускин» и «Пойте им тихо». Через персонажей обыкновенных, рутинных и непримечательных Маканин касается вечных тем человечества, заставляющих читателей задуматься о том, насколько близки каждому из нас подобные вопросы. Казалось бы, простые сюжеты становятся проводниками в мир великих вопросов человечества, позволяют задуматься о том, что и в простой житейской действительности есть место сложным духовным размышлениям. И главное – средний обыватель оказывается способен их постигнуть и дать на них свой ответ. А связь с предшествующей литературой только лишней раз это подтверждает. В анализируемых рассказах частная жизнь насыщена сложными философскими вопросами, которые издавна волнуют писателей и всё человечество. Писатель предложил свое, отчасти горькое и ироничное, их прочтение.

Ключевые слова: «Ключарев и Алимускин», «Пойте им тихо», литературная традиция, параллель, отсылка, обстоятельства, психологизм.

Anastasiya E. Vasil'eva

State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the Leningrad Region "Leningrad State University named after A. S. Pushkin"

This article is part of the study "Literary traditions in the prose of V. S. Makanin", dedicated to the traditions of classical literature in the prose of the writer, and reveals the image of some of them in the stories "Klyucharev and Alimushkin" and "Sing to them softly." Through ordinary, routine and unremarkable characters, Makanin touches on the eternal themes of humanity, making readers think about how close such questions are to each of us. It would seem that simple plots become guides to the world of the great questions of mankind, allow you to think about the fact that even in simple everyday reality there is a place for complex spiritual reflections. And most importantly – the average man in the street is able to comprehend them and give them his answer. And the connection with previous literature only once again confirms this. In the analyzed stories, private life is full of complex philosophical issues that have been worrying writers and all of humanity for a long time. The writer offered his own, somewhat bitter and ironic, reading of them.

Key words: "Klucharev and Alimushkin", "Sing softly to them", literary tradition, parallel, reference, circumstances, psychologism.

В произведениях конца XX века можно часто наблюдать отсылки к произведениям классиков. Близки они и по тематике, которая была актуальна и для писателей прошлого, и оказалась актуальна сейчас, что, несомненно, дает повод проследить преломление традиций на примере творчества одного писателя или группы писателей. Не исключение и творчество В. С. Маканина. Благодаря отсылкам к классическим произведениям, проза Маканина приобретает многоплановость. Для образованного читателя за пластом сюжета скрывается пласт задуманных автором смыслов, раскрыть которые можно лишь будучи знакомым с классической литературой. Как литературные традиции, используемые В. С. Маканиным в своих произведениях, влияют на интерпретацию смысла текста? Сюжеты рассказов Маканина на первый взгляд просты, но при более внимательном прочтении мы видим в них глубокий подтекст. Вечные вопросы, затрагиваемые в произведениях писателя, никогда не перестанут волновать человечество, но как их преподнести читателю, чтобы заставить вновь задуматься.

Особенностями рассказов «Пойте им тихо» и «Ключарев и Алимужкин» является то, что отсылки к традициям прошлого в них скрыты. Требуется не просто читательский опыт, но и анализ, чтобы проследить традицию в тексте рассказа. Диалог с традицией и освоение Маканиным художественного опыта предшественников и современников определяют направление его творческих поисков. Через анализ данных рассказов мы увидим, каким образом включаются традиции классики, на первый взгляд неочевидные и незаметные, и как эти включения влияют на понимание произведений в целом.

Первый рассказ из рассматриваемых нами – «Пойте им тихо» написан в 1974 году. Незамысловатое внешне действие происходит в больничной палате. Рассказ отчасти автобиографичен – писатель в 1972 году попадает в аварию. Об этом пишет в своей книге М. Ф. Амузин: «впечатления от этого периода жизни послужили основой для пронзительного рассказа «Пойте им тихо» [2, с. 66]. У текста кольцевая композиция – начало и финал практически совпадают, события не изменяют уклад жизни героев. Пространство больницы замкнуто. Стены будто бы давят на и без того угнетенных героев. В привычный порядок больничной жизни вносит изменения только один герой – тётка Петисолдата. Она – некий проблеск света, но она появляется ненадолго, и к концу произведения все вновь становится как было.

Герои условно делятся на две группы:

- Врачи, медсестры, посетители, профессор – не желающие признать реальное положение вещей перед собой и другими
- Больные, тетка – принимающие действительность

Поясним такое деление и начнем с первой группы. С первых строк рассказа появляется давящее впечатление, некое сопротивление происходящему. Например, когда профессор обходит палату: *«Он бегло просмотрел дела больных, еще более бегло прошел вдоль коек. Он входил в палату и почти тут же выходил. Он прямо-таки промчался»* [8]. Сразу становится ясно, что он не желает долго находиться рядом с больными, он чувствует их подавленность. Состояние в палате передано автором очень точно в предложении *«У ямы есть края»* [8]. Яма здесь – символ безвыходности положения пациентов.

Такое же отношение и у лечащего персонала. Врачи отвечают профессору отвлеченно, лишь потому, что надо что-то ответить: *«Лечащие врачи согласно закивали головами: да, да, конечно... психика – это важно. На самом деле почти все они ему не поверили. Они решили, что «светило» чудачествует»* [8]. Палату между собой называют «тяжелейшей» и складывается впечатление, что в ней лежат не парализованные люди, а почти мертвые. И у здоровых такое мнение стало привычным, обыденным, будто так было всегда и по-другому быть не может. Для других в этой палате несчастных живых людей – они бездвижные тела, которые жили когда-то и, возможно, будут жить потом. *«Мне только Юрочка Орлов нравится. Хоть бы он выжил...»* [8], – говорит медсестра, забывая о том, что Юра – живой.

Такое отношение подтверждают и слова посетителей. Например: *«Я люблю тебя бодрого и веселого. Я люблю тебя мужественного. Такого, каким ты был...»* [8], – говорит жена Щербины. Или: *«Господи, до чего же ты стал слабым. Как мне не повезло»* [8]. Его жена постоянно указывает ему на то, что он «раскис». Это слово встречается в их диалоге 3 раза. Жена пытается поговорить о чем-то отвлеченном, бытовом, а Щербина – о своей болезни, но жена не слышит его. Практически все посетители ведут себя подобным образом. Они указывают на то, что жизнь там, за больничным окном, а здесь они не живут, а только ожидают жизнь; никто не хочет говорить с пациентами об их несчастье, знать, что у них на душе. Отец и брат Орлова тоже не видят его тревог. *«Они думают, что я прежний»* [8], – говорит Орлов.

Первая группа героев как-бы закрывает глаза на происходящее, не видит глубины проблемы. Но автор не дает оценку этим персонажам. В рассказе нет назидательности, только печальная и жесткая правда жизни. Подтверждают

это слова Большева «Маканин не обвиняет и не защищает своих героев. Он анализирует действительность без гнева и пристрастия» [4, с. 497–498].

Теперь перейдем ко второй группе персонажей. Стоит в первую очередь отметить Щербину. Это персонаж на границе: сначала он, сильный волевой человек, подобно врачам, подбадривает соседей по палате: «*А Щербина смеялся, смеялся через боль и через боль работал руками. <...> Он не прекращал этого, даже если входил врач с сугубо деловым видом. И врачу это нравилось*» [8]. И за это другие больные не любили Щербину. Он казался им не таким, будто он и не болел вовсе: «*Если бы он просто делал упражнения, это одно. Это терпимо. Но он непременно хотел кого-то втянуть в разговор*» [8]. Но и у этого героя произошел слом. Болезнь и страх победили: «*Стало вдруг понятно, что это не герой. Что это человек*» [8].

Для других пациентов так же, как и для врачей гнетущее состояние – норма. Им было жаль себя, часто в тексте, когда речь идет об отношениях больных к самим себе, используются выражения: «тягостно», «жаль», «казалось несправедливым», «жаловались». Но главной бедой они считали не сломанные позвоночники, а что из-за этого они теперь оторваны от жизни, они вне ее и даже самым близким нет до этого дела: «*– Не понимают они нас. – А ты не жди этого*» [8]. Или: «*Он уже в пятый раз «вдруг вспомнил», как он разбился*» [8].

Переломным моментом рассказа является появление тётки Пети-солдата. В тексте подчеркивается, что: «*Она разительно отличалась от других посетителей*» [8]. Тётка – посетитель почти случайный: «*Она приехала не только навестить Петю, но и купить здесь, в Москве, мебель*» [8]. Но, тем не менее именно она помогла больным поверить, что они все еще что-то значат. Она дала им именно то, чего так не хватало пациентам – сочувствие: «*Орлов сказал все, что думал. Он сказал, что врач даже представить себе не может, насколько он, врач, ниже этой старухи с перепутавшимися мозгами и как много старуха значила*» [8]. Нельзя не отметить того, что после сказанного ему врач на время переменил отношение к больным, подольше оставался в их палате, задумался о значении слов Орлова. Несомненно, тетка оказала положительное влияние на душевное и физическое состояние больных, хоть и провела в палате только несколько дней. Пациенты «тяжелейшей» палаты несчастны, но живы здесь и сейчас, а не бодрые когда-то. Получается, они были веселыми и надо стремиться стать вновь такими же, а пока, увы, они не живые в полной мере? Так быть не должно. Это понимает тетка и ни к чему не призывает, что произвело на пациентов поразительный оздоровительный эффект.

Финал рассказа печален: он оставляет впечатление безвыходности, чему способствует кольцевая композиция рассказа. Этот день закончится и завтра будет такой же: *«И теперь к вечеру в палате оставались только больные. Все те же лица. Как и каждую ночь»* [8].

Анализируя рассказ Маканина, нельзя не провести параллели с другими произведениями. А именно с повестью Льва Николаевича Толстого «Смерть Ивана Ильича». У произведений схожий сюжет. Иван Ильич страдает так же как и маканинские герои: *«Главное мучение Ивана Ильича была ложь <...> И его мучила эта ложь, мучило то, что не хотят признаться в том, что все знали и он знал»* [9, с. 325]. Б. И. Бурсов и Л. Д. Опульская отмечают: «Общественные установления, опутывающие жизнь человека паутиной лицемерия и лжи, вытравляющие из нее всё человеческое, — вот истинная причина драмы Ивана Ильича» [1, с. 553]. А Герасим, так же, как и тетка Пети-солдата, выражает искреннее сострадание, не скрывает правды и тем самым становится единственным понимающим человеком в окружении больного.

Основным сближающим мотивом произведений является человек перед лицом смерти. Б. И. Бурсов и Л. Д. Опульская указывают: «Тему «Смерти Ивана Ильича» Толстой определил, как описание простой смерти простого человека» [1, с. 553]. Иван Ильич — самый обыкновенный человек, ничем не выделявшийся из окружающих, подобно пациентам палаты в «Пойте им тихо» — они так же самые обычные люди. Таким образом, вечная тема смерти становится рядом с темой простой жизни рядового человека. Это помогает, как пишет М. Ф. Амузин «сделать для читателей годными к употреблению, интересными картины обыденной действительности, до боли и скуки знакомой им по собственному повседневному опыту» [2, с. 56].

Второй рассматриваемый нами рассказ — «Ключарев и Алимускин» написан в 1979 году. Ключарев — сквозной герой в творчестве В. С. Маканина, и произведения с участием Ключарева сводятся М. Ф. Амусиным в единый «Ключарев-роман» [2, с. 67]. «Существование Ключарева, его семьи, его человеческого окружения с самого начала представляется в аспекте серийности, типичности» [2, с. 68]. Ключарев — простой советский математик, он не эгоистичен и с первых страниц рассказа вызывает читательское одобрение: *«Человек заметил вдруг, что чем более везет в жизни ему, тем менее везет некоему другому человеку <...> Человеку это не понравилось. <...> Это меня угнетает и мешает мне жить»* [7]. Такие мысли обычно несвойственны везучим людям: счастливый редко думает, что является причиной чьих-либо неудач. Нужно отметить, что разговор с Богом по художественному времени не является моментом начала рассказа, скорее, он должен стоять где-то в середине. Но таким образом автор сразу показывает основной конфликт произведения —

счастье одного человека за счет несчастья другого. М. Ф. Амосин раскрывает этот тезис так: «Речь идет не просто о том, что благо и счастье распределены между людьми неравномерно, – кого этим удивить. Писатель «заостряет тезис» – два человека представляют собой систему «сообщающихся сосудов» (больше везет одному, меньше другому)» [2, с. 122].

Образуются как бы две чаши весов: на одной находится Ключарев с его прибывающим счастьем, на другой – погибающий Алимускин. Ключарев безусловно персонаж положительный, но презрительное отношение к просьбе жены помочь малознакомому человеку несколько снижает героя в глазах читателя. Здесь мы не видим того благородного порыва думать о счастье ближнего, какой присутствовал в самом начале: «[Ключарев] *не сдержался, фыркнул. Женщины – прелесть. Только они могли додуматься до такого. Прийти к малознакомому типу и сказать: «Привет, родной, говорят, ты погибаешь?»*» [7]. Ключарев посмеивается над просьбой жены, но, тем не менее, судьба Алимускина начинает его волновать. Ключарев незаметно для себя постоянно переводит разговор на Алимускина со всеми, кто знаком со страдающим. Рождается невероятная теория: «*Возникла вдруг мысль: а что, если ему стало везти за счет этого Алимускина? <...> Мысль, разумеется была глуповатая. Мысль была секундная и, в общем, игрушечная*» [7]. Но эта «игрушечная» теория захватывает героя, и он начинает невольно искать ей подтверждение, становится практически одержим. Разговор с женой Алимускина как бы опровергает теорию Ключарева: «*Он думал так: если бы мне и впрямь везло за счет Алимускина, его жена сегодня бы положила на меня глаз*» [7]. Но это опровержение не успокаивает героя, и теория не отпускает его ни на секунду, так как для самого Ключарева она становилась все менее «игрушечной». «*И врач, словно он тоже считал, что Ключарев виновен перед беднягой своими удачами, сурово посмотрел на него*» [7], – но это отражение мыслей самого героя. Во власти теории Ключарев почти не рад своим успехам, потому что рядом человек угасает на глазах, тогда как сам Ключарев взлетает вверх по служебной лестнице и имеет счастье в семье.

В свою очередь Алимускин, находясь на противоположной чаше весов, является зеркальным отражением Ключарева. Это такой же простой человек, у него есть семья и работа. Но волей судьбы герой лишается и работы, и жены, и душевного спокойствия. Алимускина в свою очередь не мучают никакие теории – он весь в своем несчастье. Противопоставление героев проявляется и в их характеристике. Ключарев – веселый, энергичный, жена его – скромная, тихая, пугливая; тогда как Алимускин – безвольный, апатичный и, как говорит автор «погибающий», а его жена дерзко красива, уверена в себе. Удачи и

неудачи героев идут бок о бок. Такая зеркальность дает нам возможность увидеть контраст героев и яснее раскрывает конфликт рассказа.

Алимушкин вызывает жалость читателя, хотя сам себя не жалеет. При его описании Маканин употребляет такие слова как «мямлит», «заспанный», «бездеятельный», «слабый». Его окружает такое же «вялое» общество: «[старик-сосед] *был болен, необщителен и глух как пень*» [7]. У героя нет стремления что-либо менять в своей жизни, потрясенный переменами он замкнулся в себе. Яма, в которую попал герой, кажется ему бездонной. Появляется мотив безвыходности и отчаяния, из которого невозможно выбраться. Ключареву не по себе в обществе Алимушкина, но растормошить его никак не удастся, даже на вопрос «*Скажи, как с тобой все это стряслось?*» [7]. Алимушкин не может дать внятный ответ: «*Алимушкин молчал, он не совсем понимал, о чем речь <...> и ответил Ключареву: нет, ничего особенного не случилось и не произошло, почувствовал, что погибаю, вот и все*» [7]. Болезнь и смерть героя явились естественными следствиями такого глубокого отчаяния. Действия героев в рассказе передают их состояние предельно точно. Автор не использует длительных описаний – создается ощущение, что и мы, читатели, находимся в той самой комнате, где беседуют Ключарев и Алимушкин. По действиям их мы будто своими глазами читаем их внутренний мир.

Финал рассказа также пессимистичен – отчаяние, невозможность выкарабкаться привели героя к смерти, тогда как зеркальный двойник его, Ключарев, остается при своем счастье. Несправедливость судьбы и невозможность что-либо изменить заставляет читателя задуматься о том, что подобное (как удача, так и неудача) может произойти с каждым. М. Ф. Амосин пишет: «Спрос за такую странную зависимость и несправедливость, конечно, с Бога. Он, впрочем, предстает у Маканина вполне номинальной, неответственной инстанцией и ответ дает как бы шуточный, но в рамках маканинской концепции вполне принципиальный: *блага на всех не хватает, кто-то всегда преуспевает за счет другого*» [2, с. 122].

Рассказ «Ключарев и Алимушкин» не первый в литературной традиции захватывает тему счастья человека. Одним из авторов, затронувших данную проблему был создатель «Человеческой комедии» О. Бальзак. Допустимо ли человеку иметь счастье, основанное на несчастье другого человека? Что, если для благополучия необходимо горе другого или даже смерть? Свой ответ дает герой повести «Отец Горио» Бьяншон: «*Наше счастье, дорогой мой, всегда будет заключено в границах между подошвами наших ног и нашим теменем, – стоит ли оно нам миллион или сто лудоров в год, наше внутреннее ощущение*

от него будет совершенно одинаково. Подаю голос за сохранение жизни твоему китайцу» [3]. Если в начале разговора, когда Растиньяк спрашивает, согласен ли он обрести богатство за счет смерти неизвестного китайского мандарина, Бьяншон с легкостью соглашается, но подумав, начинает сомневаться и в конце концов категорически отказывается от такой возможности. Бьяншон осознает, что: *«Человеческие склонности находят и в пределах очень маленького круга такое же полное удовлетворение, как и в пределах самого большого»* [3]. Только вот у Ключарева такого выбора, как у Бьяншона, не было – он был рабом обстоятельств, поэтому и страдал от осознания, что является частью некой, так скажем, «системы распределения счастья между людьми». Ключарев, возможно, не отказался бы от своих успехов, но осознание, что его везение приходит к нему за счет страдания Алимускина, делает вкус счастья не таким приятным. Ответ на волнующий героев вопрос один: *«Человек имеет право быть счастливым, но не во вред счастью других людей»* [6].

Так, через героев обычных Маканин преподносит вечное, волнующее всех. В этом проявляется мастерство писателя и способность разглядеть нечто важное, под прикрытием обыденности.

Обращает внимание на себя то, что психологизм в обоих рассказах схож с психологизмом А. П. Чехова – чувства героев не описываются подробно, даются лишь намеки, а читатель додумывает, и будто бы сам переживает то же, что герой. Формально, речи о душевном состоянии героев почти не идет. Маканин, подобно Чехову, сосредотачивает внимание читателя на внутреннем состоянии обыкновенных, окруженных обыденностью жизни, с помощью бытовых деталей. *«У Чехова внимание к процессам внутренней жизни никогда не заостряется и не подчеркивается <...> О душевных движениях повествуется на равных правах с внешними событиями, а иногда и вообще как бы между прочим, мимоходом»* [5, с. 162–163].

Рассказы Маканина почти бессобытийны. Частная ситуация из жизни рядового человека – вот сюжет рассказов «Пойте им тихо» и «Ключарев и Алимускин». Но в рамки этой самой бессобытийности помещаются вечные проблемы человечества – смерть, обретение счастья, добро и зло.

Список литературы

1. Агеносов В. В. История русской литературы XX века: в 2 ч. Ч. 2: учеб. для бакалавров / В. В. Агеносов [и др.]; под общ. ред. В. В. Агеносова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2013. 687 с.
2. Амузин М. Ф. Алхимия повседневности: очерк творчества Владимира Маканина. М.: Эксмо, 2010. 448 с.

3. Бальзак О. Отец Горио // Онлайн-библиотека Максима Мошкова. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.ru/INOOLD/BALZAK/gorio.txt> (дата обращения: 02.02.2022).
4. Большев А., Маканин В. С. Русская литература XX в. Прозаики, поэты, драматурги: библиогр. словарь: в 3 т. / под ред. Н. Скатова. М.: 2005, Т2 З – О. С. 497–498.
5. Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы: кн. для учителя. М.: Просвещение, 1988. 176 с.
6. Липовецкий М. Н. Русский постмодернизм (Очерки исторической поэтики): моногр. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1997. 317 с.
7. Маканин В. С. Ключарев и Алимущкин // Онлайн-библиотека. [Электронный ресурс]. URL: <http://mreadz.com/id51414> (дата обращения: 01.02.2022).
8. Маканин В. С. Пойте им тихо // Онлайн-библиотека. URL: <http://litbook.net/book/121937/pojte-im-tiho/page-16/> (дата обращения: 28.01.2022).
9. Толстой Л. Н. Смерть Ивана Ильича // Повести. Рассказы. М.: Сов. Россия, 1985. 512 с.

References

1. Agenosov, V. V. *Istoriya russkoj literatury XX veka*: [History of Russian literature of the XX century: in 2 h]. Part 2: textbook for bachelors v 2 ch. ЧН. 2: учебник для бакалавров. V. V. Agenosov [i dr.]; pod obshch. red. V. V. Agenosova. 2-e izd., pererab. i dop. М.: YUrajt, 2013. 687 s.
2. Amusin, M. F. *Alhimiya povsednevnosti: ocherk tvorchestva Vladimira Makanina* [Alchemy of everyday life: an essay on the work of Vladimir Makanin]. М.: Eksmo, 2010. 448 s.
3. Bal'zak, O. *Otec Gorio* [Father Goriot]. Onlajn-biblioteka Maksima Moshkova. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.lib.ru/INOOLD/BALZAK/gorio.txt> (data obrashcheniya: 02.02.2022).
4. Bol'shev, A. *Makanin V. S. Russkaya literatura XX v. Prozaiki, poety, dramaturgi: Bibliograficheskij slovar' v 3 t.* / [Makanin V. S. / A. Bolshev // Russian literature of the XX century. Novelists, poets, playwrights: a Bibliographical dictionary in 3 volumes]. Pod red. N. Skatova. М.: 2005, Т2 З. О. С. 497–498.
5. Esin, A. B. *Psihologizm russkoj klassicheskoj literatury: Kn. dlya uchitelya* [Psychology of Russian classical literature: Vol. for teachers]. М.: Prosveshchenie, 1988. 176 s.
6. Lipoveckij, M. N. *Russkij postmodernizm (Ocherki istoricheskoy poetiki): monografiya / M.N. Lipoveckij*. [Russian postmodernism (Essays on historical poetics): monograph]. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 1997. 317 s.
7. Makanin, V. S. *Klyucharev i Alimushkin* [Klyucharev and Alimushkin] Onlajn-biblioteka. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://mreadz.com/id51414> (data obrashcheniya: 01.02.2022).
8. Makanin, V. S. *Pojte im tiho* [Sing them softly] Onlajn-biblioteka. URL: <http://litbook.net/book/121937/pojte-im-tiho/page-16/> (data obrashcheniya: 28.01.2022).
9. Tolstoj, L. N. *Smert' Ivana Il'icha* [The Death of Ivan Ilyich Povesti]. Rassказы. М.: Sov. Rossiya, 1985. 512 s.